

Тысячи солдат в армии Железных Воинов приветствовали падение крепостной стены триумфальным криком, после чего, выбравшись из траншей, бросились на штурм цитадели. Леонид, несмотря на просьбы своих офицеров, остался стоять на гряде щебня и каменных осколков на вершине бреша, держа силовой меч и болтпистолет наготове. Его бронзовый нагрудник сиял как новый, и мундир под ним был безупречно аккуратен. Стоявший рядом брат-капитан Эшара в обеих руках держал по мечу.

Ярость, охватившая солдат врага, была так сильна, что Леонид физически ощутил ее, как жестокий удар.

— Как же они нас ненавидят, — прошептал он. — Но почему?

— Они — еретики и ненавидят все, что воплощает в себе добро, — ответил Эшара тоном, который не допускал сомнений. Готовясь к битве, космический десантник повел плечами, снимая напряжение в мускулах.

И вот открыли огонь орудия бастиона Мори; секундой позже к ним присоединилась артиллерия Первого равелина. Убийственный шквал огня косил нападавших сотнями, и под градом снарядов, под лучами лазеров от их тел оставались только клочки.

Из первой волны штурма не выжил почти никто, но новые тысячи ли на приступ, людским потоком спускаясь в ров и быстро пересекая засыпанную обломками территорию.

Вскидывая фонтаны земли, взорвались противопехотные мины, установленные на дне рва, и в толпе атакующих появились кровавые прорехи. От взрывов и огня, ведущегося со стен, солдаты гибли сотнями, и ров превратился в зону сплошного поражения. Лишь несколько смельчаков добрались до края равелина, где их безжалостно зарубили секирами гвардейцы. Шум стрельбы, крики, лязг стали эхом замечались между склонов долины. Резня продолжалась.

Взорвалась еще одна минная полоса. Некоторым солдатам удалось выжить; когда они, израненные и окровавленные, поднялись к щебнистому склону, что вел к брешу, сверху, преграждая им путь, рухнула связка искореженных железных балок, оплетенная колючей проволокой.

Оставив позади усеянный телами ров, атака захлебнулась у основания бреша. На входящем углу бастиона Мори, где укрепление, очертаниями похожее на наконечник стрелы, сужалось, примыкая к куртине, Леонид приказал установить орудия, которые должны были стрелять снарядами с начинкой из болтов и кусков арматуры.

Выстрелила первая из пушек, снаряд почти сразу же разорвался, и поражающие элементы рассеялись смертоносным конусом. Через несколько секунд открыли огонь остальные орудия, и атакующих смело от бреша кровавым шквалом, в котором их тела разорвало на клочки.

Леонид окликнул майора Андерса на Первом равелине, предостерегая его: все новые солдаты

врага спускались в ров, и, наконец, их стало так много, что армия атакующих смогла обойти с флангов передовую линию укреплений, по форме напоминавшую букву V. Но Андерс был готов оказать им достойную встречу и повел своих воинов в контратаку. На равелине закипел бой. Джуранские драгуны врезались в толпу вражеских солдат, рубя их мечами и круша прикладами ружей. Сам майор проложил в рядах врага кровавую просеку, и знаменосцам, следовавшим за ним и убивавшим всех, кто оказался рядом, пришлось постараться, чтобы не отстать от командира.

Битва за стены бастиона и равелин еще больше ожесточилась, когда на парапет поднялся поистине гигантский воин, вооруженный огромным топором. Исполинский, тяжеловесный, он с легкостью доставал свои цели и убивал любого, кто осмеливался встать у него на пути. Атакующие сплотились вокруг гиганта, а потом все расширявшимся клином заняли парапет, давая возможность подняться на укрепление тем, кто следовал за ними.

Леонид с чувством отчаяния следил за бойней, которую огромный воин учинил защитникам равелина, но тут один из отрядов Имперских Кулаков перешел в контратаку. Несколько гранат, взорвавшихся разом, разрушили вражеский клин, а сержант отряда уничтожил гиганта, снеся ему голову выстрелом из плазменного пистолета. Защитники сплотили ряды и столкнули со стены последних солдат врага, еще остававшихся в живых. Облегченно выдохнув, Леонид заметил, что все это время почти не дышал.

У стен разворачивалось поистине ужасное побоище. Трудно было представить, что столько людей могло погибнуть за столь короткий отрезок времени. Но, несмотря на потери, солдаты в красной униформе не сдавались, и вскоре каждый квадратный метр рва был залит кровью и усыпан телами павших.

— Надо признать, они не трусы, — заметил Леонид, увидев, как еще один солдат свалился замертво, сраженный выстрелом при попытке перебраться через баррикады вниз.

— Нет, — резко ответил Эшара; из-за шума битвы ему приходилось почти кричать. — Ими движет не храбрость. Не смейте так думать, кастилян. Эти предатели — еретики, им неведомы такие понятия, как храбрость и честь. Они идут на смерть у наших стен, потому что еще больше боятся гнева своих хозяев. Выкиньте подобные мысли из головы и не позволяйте себе сопереживать этим отбросам ни в чем — иначе милосердие сделает вас нерешительным, и вы жизнью заплатите за такую слабость.

Леонид кивнул и вновь посмотрел на жестокую битву вниз.

— Но в чем их цель? — спросил он. — Так они ни за что не сумеют закрепиться на стенах. Это просто безумие.

— Они выясняют возможности нашей обороны, уничтожают наши минные поля, из-за трупов по стенам трудно передвигаться.

— Проклятье, почему сами Железные Воины не идут в атаку?

— Не волнуйтесь, кастелян, у вас еще будет возможность с ними сразиться, но смотрите, чтобы вам не пришлось об этом пожалеть.

— Может, и так, — признал Леонид. Около десятка солдат смогли преодолеть баррикады и выжить и теперь взбирались к брешу. По обе стороны от Леонида замерли в ожидании гвардейцы его взвода. Их ружья были нацелены на пролом в стене, и кастелян, взмахнув мечом, командовал «Огонь!».

Тридцать ружей выстрелили в едином залпе, и врага отбросило назад; как мягкие куклы, они кувыркком покатались по склону прочь от брешу.

За следующие три часа, столь же кровавые, противник еще несколько раз шел на штурм стены, а затем отступал, подчиняясь какому-то неслышному сигналу. Во рву осталось более двух с половиной тысяч мертвых, и ни один из предателей не смог подобраться к брешу.

Вражеские солдаты отступили к своим укреплениям под хриплые победные крики гвардейцев, после чего усталые защитники сбросили трупы со стен рavelина, а из потерн, ведущих к Вратам судьбы, показались санитары, спешившие унести раненых в укрытие.

— Итак, мы выжили, — сказал Леонид.

— Это только начало, — пообещал в ответ Эшара.

Слова капитана Эшары оказались пророческими: солдаты Железных Воинов предприняли еще две атаки на стены. Ров, превратившийся в настоящий ад, стал могилой для еще нескольких тысяч; от убитых, погибших под выстрелами или подорвавшихся на минах, остались лишь кровавые ошметки. Три раза Первый рavelин почти пал, и три раза Питу Андерсу и космическим десантникам удалось сплотить защитников и в последний момент отбить стены у неприятеля.

Фланговый огонь с фаса бастиона Мори очистил рavelин от нападавших; когда наступила ночь, завершившая первый день эскалады, Леонид прикинул, что во рву цитадели осталось не менее пяти тысяч вражеских солдат. По предварительным подсчетам потери в его войске составили за один день сто восемьдесят человек убитыми и почти в два раза больше — серьезно ранеными. Из числа раненых около трети, скорее всего, уже никогда не вернутся в строй.

Железные Воины могли позволить себе столь чудовищные потери, ничего не опасаясь, а Леонид — нет. Даже если соотношение убитых и дальше будет оставаться в пользу джуранцев, противник рано или поздно возьмет их измором, и Леонид понимал, что этого допустить никак нельзя.

С наступлением темноты он и Эшара спустились со стен, вышли из цитадели по потерне у Врат Судьбы и добрались до Первого рavelина, где обнаружили майора Андерса — потного и перемазанного кровью — за кружкой кофеина в компании своих подчиненных.

— Вы все хорошо сражались, — обратился к ним Леонид. — Просто чертовски хорошо.

Слова командира заставили солдат засиять от гордости.

— Но завтра легче не будет, и вы должны показать, на что способны.

— Мы не подведем вас, сэр, — пообещал один из солдат, разместившихся на парапете.

Леонид заговорил громче, чтобы его слышали и там:

— Я знаю, сынок, что не подведете. Вы тут отлично держитесь, и я отчаянно вами горжусь. Вы показали этим шавкам, что значит связываться с 383-им!

Солдаты ответили одобрительными возгласами; повернувшись к Питу Андерсу, Леонид пожал майору руку.

— Прекрасная работа, Пит, но следи за левым флангом. Брешь как раз с той стороны, и из-за того, что мы не можем нацелить туда достаточно орудий, враг постепенно подбирается к ней.

— Так точно, сэр, — козырнул Андерс. — Буду начеку.

Леонид кивнул, несколько не сомневаясь, что его офицер сумеет отстоять рavelин. Он отсалютовал Андерсу, после чего вернулся с Эшарой в цитадель.

Они побывали на бастионе Винкаре, на куртине, у бреши и на бастионе Мори, и везде они от души хвалили солдат и пересказывали им истории о героических подвигах, совершенных в тот день в других частях цитадели. Каждое воинское соединение торжественно клялось превзойти всех остальных в доблести. Когда Леонид, наконец, вернулся в башню у ворот, в одном из помещений которой он временно поселился, сил у него почти не осталось, а голова немного кружилась от амасака, которым его неоднократно угощали солдаты.

Едва он лег на простую, спартанскую койку, как сразу же провалился в сон без сновидений.

Глава 2

Несмотря на темноту, Джарек Келмаур уверенно поднимался по развалинам Тор Кристо, поворачивая голову из стороны в сторону, как будто в поисках чего-то. За ним следовала облаченная в красную мантию фигура, державшая руки под одеянием, а голову склоненной. Тело существа было раздутым и непропорциональным: бросались в глаза широкие плечи, сильно деформированные предплечья и бочкообразная грудь.

Колдун поднялся на скалистый гребень и внимательно осмотрел пространство перед собой. Его покрытая татуировками голова непрестанно двигалась: он искал, искал что-то в обломках горой породы. Что-то, что никак не хотело находиться.

— Это должно быть здесь, — пробормотал он про себя и достал потрепанного вида свиток, золотые буквы на котором выцвели и стали почти нечитаемыми. Келмаур знал, что времени у него осталось немного, и чувство досады все усиливалось. Видение сообщило ему, что под скалой, на которой стоял Тор Кристо, находится некий тайный зал — так где же он? Келмаур спустился в огромную воронку, наполненную щебнем и каменными обломками; даже на такой неровной земле, скрытой ночным мраком, он ни разу не оступился.

Его молчаливый спутник верной тенью следовал за ним, неожиданно тяжело ступая. Свет луны окутал эту странную пару кровавым сиянием. Теряя надежду, Келмаур обошел воронку, и тут облаченное в мантию существо резко остановилось и подняло голову, устремляя взгляд на огромную каменную плиту, которая взрывом оказалась сброшена с горы и теперь лежала вровень со скальной поверхностью.

Не говоря ни слова, существо пересекло воронку и остановилось в десяти метрах от плиты.

Джарек Келмаур улыбнулся.

— Ты чувствуешь его, да? — прошептал он, наблюдая, как существо протягивает руки к плите. Ткань его мантии всколыхнулась, как будто потревоженная каким-то чудовищным шевелением, и что-то черное и блестящее вытянулось наружу из рукавов.

Внезапно воронка наполнилась светом: два ослепительных луча полыхнули из рук существа, и скала разлетелась на куски. Когда пыль осела, Келмаур с восторгом обнаружил перед собой дверь из бронзы, покрытой патиной. Еще одна вспышка — и дверь взорвалась, рассыпавшись оплавленными фрагментами, и за ней открылся темный проход, который вел вглубь горы.

Ни Келмаур, ни его спутник не нуждались в освещении. Колдун с восхищением изучал точное, соответствующее законам геомантии устройство туннеля, который уводил вниз, на сотни метров вглубь скалы, на которой стоял Тор Кристо.

Туннель закончился, и перед ними открылся просторный зал с куполообразным потолком, озаряемый тусклым свечением, что исходило от стен. Весь пол занимал диск из литой бронзы почти тридцать метров в диаметре, поверхность которого покрывал сложный рисунок. Что-то в этом рисунке показалось Келмауру знакомым, но он не мог вспомнить, что. С трудом он заставил себя отвлечься от хитросплетений узора.

Его безмолвный спутник прошел на середину зала, поднял черные, влажно блестящие и казавшиеся несоразмерно большими руки, и откинул капюшон мантии.

Лицо его когда-то было человеческим, но теперь было изуродовано так, что от человечности не осталось и следа. Плоть адепта Этольфа Цицерина покрывали биоорганические электросхемы, пребывавшие в постоянном движении. Изменилась даже аугметика, установленная Адептус Механикус: ее механическую структуру искажил техновироз. Цицерин с надеждой повернулся к Келмауру, и плоть его руки начала меняться, словно став жидкой, пока, наконец, оружие не превратилось в человеческую ладонь. Длань указала на колдуна, и Келмаур нахмурился, не одобряя такое нетерпение.

Неужели в результате трансформации Цицерин полностью лишился способности испытывать уважение и благоговение?

Келмаур вновь раскрыл потрепанный свиток и, прокашлявшись, нараспев произнес несколько фраз, полных гортанных и щелкающих звуков, на языке, на котором не говорили уже десять тысяч лет. Слоги эти никогда не предназначались для органов человеческой речи, они словно проскальзывали в толще воздуха, разрывая его прозрачную структуру.

По окружности бронзового диска мерцали фиолетовые нити молний, с каждым новым звуком речитатива становившиеся все ярче. Воздух в зале сгустился, стал тяжелым, как перед грозой, и наполнился едким, будоражающим запахом озона. Когда речитатив колдуна уже подходил к концу, молнии взметнулись вверх и сплелись в пурпурную паутину, которая плотным куполом все быстрее и быстрее вращалась вокруг диска.

И вот с губ Келмаура сорвался последний слог; потрескивавшая сеть из беспокойных молний взорвалась в массивном выбросе энергии. Колдуна сбило с ног, он отлетел к стене и рухнул на пол, оглушенный ударом.

Почти теряя сознание от ужасной боли, Келмаур поднял голову и улыбнулся: существо, которое он сотворил из адепта Цицерина, исчезло.

Пламя вспыхнуло в центре сияющего диска, разряд энергии, потрескивая, метнулся по периметру зала, и пульсирующие остаточные образы, вызванные ярким светом, померкли. Адепт Цицерин огляделся, определяя свое местоположение после телепортации. Его измененные глаза точно зафиксировали тригонометрические параметры зала, воздух которого был пропитан ароматом джуранских благовоений.

Возможно, он уже бывал в этом зале в прошлой жизни; он не мог вспомнить наверняка. Он помнил только приказы, которые громом раздавались в его мозгу, огнем проносились по странному, чужеродному неорганическому дендриту, что пронизали его череп.

Потолок темного зала был где-то очень высоко, в стенах — ниши с реликвариями. Под ногами Цицерина была бронза пола: диск, идентичный тому, с которого он перенесся сюда. Два священника с тонзурами на головах уже спешили к нему в панической тревоге.

Остановившись у края диска, они крикнули ему что-то, но слов он не разобрал. Речь была частью той, прошлой жизни; теперь он мог говорить лишь на машинном языке техновироза, и

банальная форма словесной коммуникации, которую использовали священники, была ему совершенно чужда.

Он поднял руки, и их черная поверхность ожила, подчиняясь вирусу, который начал придавать телу-машине новую форму. Вздувшиеся мускулы рук трансформировались в металлические стволы и шипящие сопла. Цицерин открыл огонь из биомеханического оружия, и священников повалило на пол ураганом снарядов.

Десятки урн на нижних уровнях оссуария разлетелись на куски, рассыпав по залу останки бывших кастелянов цитадели. Цицерин прошел мимо черепов, оскалившихся в усмешке, и направился к выходу из Гробницы.

Там, у дверей во внешние залы, он остановился, опустил руки и стал ждать.

Боль вынуждала Джарека Келмаура спускаться по каменистому склону с осторожностью, но он был доволен тем, что удалось исполнить видение. Он не знал, какая роль отведена адепту Цицерину в той драме, что разворачивалась на Гидре Кордатус, но он сумел поспособствовать ее исполнению и был этому рад.

Как только Цицерин исчез, рисунок, выгравированный на бронзовом диске в полу, начал меркнуть, а вместе с ним — и свечение в стенах, пока зал не погрузился в полную тьму. Свиток рассыпался в пыль, а вместе с ним — и возможность воспользоваться древним устройством еще раз. Но Келмаур знал, что это уже неважно: Цицерин оказался там, где и должен быть, и больше колдуна с ним ничто не связывало.

Келмаур застонал. Слишком много сил было израсходовано, он устал до предела, кости болели после удара о стену, которым закончилась для него взрывная телепортация адепта. Его «ближнее чутье» ослабло, и он несколько раз споткнулся, оступившись на скользких камнях и россыпях щебня.

Добравшись до подножия склона, он оправил плащ и направился к своему шатру; здесь, в знакомой обстановке, шаги его стали более уверенными. Аcolиты склонились в приветствии, но он не обратил на них внимания, желая лишь отдохнуть и восстановить силы. Он нагнулся, чтобы пройти через низкий вход в свое жилище, и тут желудок его скрутили жестокие спазмы. Присутствие Кузнеца Войны стало ощутимым в то же мгновение.

— У тебя получилось, — сказал Кузнец Войны. Это было утверждение, а не вопрос.

Келмаур церемонно поклонился.

— Да, мой повелитель. Однорукий слуга машины ушел. Как я и предвидел, тайный зал был расположен в глубине горы.

— Хорошо, — прошипел Кузнец и выпрямился во весь рост, возвышаясь над Келмауром. Колдун отвернулся: смотреть прямо в мутный вихрь метаморфоз, в который превратилось лицо Кузнеца Войны, было невозможно.

Повелитель Железных Воинов прикоснулся рукой в тяжелой латной рукавице к подбородку Келмаура, заставляя смотреть на себя, и тот охнул от боли, пытаясь отстраниться. От того места, где до него дотронулась рука Кузнеца, по коже начала разливаться чернота; Келмаур вскрикнул, лицо его мучительно исказилось, а татуировки, покрывавшие голую кожу черепа, пришли в движение.

— Итак, Джарек, ты ничего не хочешь мне рассказать? Ты ничего не скрываешь от своего Кузнеца Войны?

Келмаур затряс головой.

— Нет, повелитель! — прохрипел он. — Клянусь, я рассказал вам о всех видениях, которые у меня были.

— Да неужели? — переспросил Кузнец, не скрывая недоверия.

Ответа не последовало, и он вздохнул в притворном сожалении:

— Ложью ты ничего не добьешься, Джарек. — Протянув руку, он прижал горячую ладонь к виску колдуна.

Келмаур заорал от невыносимой боли: плоть его начала шипеть и плавиться, наполняя шатер вонью горелого мяса.

— У тебя есть только одна возможность остаться в живых, — пообещал Кузнец Войны. — Скажи, что ты скрыл от меня, и я не стану тебя убивать.

— Ничего! — едва выдохнул Келмаур. — Я ничего не скрывал от вас, повелитель, клянусь! Я видел лишь то, о чем уже рассказал!

— Тогда ты стал для меня бесполезен, — объявил Кузнец и выдохнул зловонное оранжево-зеленое облако.

Келмаур, чье дыхание и так уже участилось от страха, вдохнул значительную часть этой гнилой субстанции и сразу же забился в конвульсиях. Его тело охватил огонь чудовищных превращений, и крики его казались Кузнецу Войны музыкой. Все существо Келмаура содрогалось в спазмах, нарушавших все законы эволюционных изменений, превращавших их в гротескную мутацию. Щупальца, клешни, крылья и прочие органы, названия которым не было, в изобилии украсили его взбунтовавшуюся плоть, и в этой массе случайных разрастаний

исчезло последнее сходство с человеком.

Всего через несколько секунд от колдуна осталась только шевелящаяся куча мяса и костей, лишенная формы и неприспособленная к жизни.

— Я ведь обещал, что не стану тебя убивать? — сказал с усмешкой Кузнец Войны, развернулся и покинул шатер, оставив изуродованное тело Джарека Келмаура шипеть на полу в безмозгом оцепенении.

В этом копошении деформированной плоти сохранились контуры одного человеческого глаза: не мигая, он смотрел в никуда взглядом, полным ужаса и начинающегося безумия.

Глава 3

Стены подвергались атакам в течение еще трех дней; тысячи человек штурмовали цитадель, тысячи гибли. Потери среди джуранцев были меньше, чем в первый день, так как самые слабые были убиты в первых же стычках с врагом.

На третий день, в самый разгар атаки, с земляных укреплений, что протянулись вдоль третьей параллели, были сняты амбразурные заслоны, сто тринадцать осадных «Поборников», извергнув клубы выхлопного дыма, встали на позицию и с оглушительным грохотом открыли огонь.

Стены цитадели и бастионов утонули в пелене серого дыма, подсвеченного огнем. Не успело стихнуть эхо первого залпа, как на осажденных обрушился второй. Снаряд за снарядом падали на стены и брешь, и в массированном обстреле солдаты из обоих гарнизонов просто обращались в ничто.

Расшатанные части строений, сохранявшиеся в бреши, рушились целыми пролетами, и вниз посыпались сотни тонн обломков, увлекая за собой десятки людей навстречу верной смерти; еще больше несчастных оказались похоронены под упавшими каменными блоками.

Два страшных часа продолжался обстрел, и от ремонтных работ, которые Имперские Кулаки и джуранцы провели на парапетах, не осталось и следа. Сотни солдат погибли, не успев укрыться в бомбоубежищах; раненые кричали так, что их было слышно даже на аллее статуй, что вела к Гробнице. Не выдержав натиска, рухнул фас бастиона Мори, и фрагменты каменной кладки осыпались в ров, в результате чего образовалась крутая, но пригодная для штурма брешь.

Но к этому моменту во рву уже не осталось живых.

Неподатливая оборона джуранцев и вероломство их собственных повелителей привели к тому, что солдаты Железных Воинов прекратили штурм и начали беспорядочное отступление. Те,

кто пережил атаку, шатаясь, брели прочь от цитадели; поток этих окровавленных, оглушенных, обезумевших от страха людей разделился, натолкнувшись на гигантскую фигуру в вороненом доспехе. Вокруг этой фигуры образовалась пустота; огромный воин стоял, подобно статуе, в водовороте бегущих солдат из его армии.

Кузнец Войны двинулся сквозь толпу, и солдаты расступались перед волной разложения, что круговым фронтом шла перед ним. В руках его был остроконечный жезл с черепом-символом Железных Воинов, который он вонзил в пропитанную кровью землю у края рва.

Опустив обагренный силовой меч, Леонид наблюдал за гигантом и не мог отделаться от очень дурного предчувствия. Он понятия не имел, кем был этот воин, но страх, внушаемый им, ощущался на уровне инстинкта.

Леонид повернулся к Корвину; доспех библиария космических десантников был опален десятками лазерных выстрелов, рана на предплечье кровоточила.

— Это Кузнец Войны, командующий их армией, — сказал Корвин.

Кузнец Войны стоял в пределах дальности, но никто в гарнизоне цитадели не мог поднять оружие и выстрелить в эту цель. Они лишь смотрели, как Кузнец воздел жезл и указал им на цитадель, после чего извлек из заплечных ножен немыслимых размеров топор и произнес скрипучим голосом, в котором слышался груз прожитых веков:

— Я даю вам срок до завтрашнего дня. Или вы поступите, как велит вам честь, и броситесь на собственные мечи, или ваши души станут моими, и я обещаю, что отправлю в ад каждого, кто еще жив за этими стенами.

По всем законам природы голос вражеского командира не мог быть услышан за стенами цитадели; и тем не менее, каждый джуранский солдат почувствовал, как ужас, заключенный в словах Кузнеца Войны, острым осколком проникает в сердце.

Военачальник армии Хаоса развернулся и направился к укреплениям параллели; Леонид смотрел ему вслед, и тошнотворное ощущение в желудке стихло до уровня глухой боли, лишь когда Кузнец Войны пропал из виду.

С наступлением ночи чемпионы Кузнеца Войны собрались в его вычурном шатре и преклонили колени перед командиром, потрясенные изменениями, которые постоянной рябью шли по всему его телу. Хонсю заметил призрачные контуры чего-то темного за Кузнецом Войны — чего-то, чье присутствие тревожило воздух, словно взмах огромных, пока невидимых крыльев. Мятащиеся души, заточенные в доспехе военачальника, смолкли, заглушенные неслышимым крещендо перемен, зревших в Кузнецке Войны.

— Мои чемпионы, близится великое время, — заговорил он, глядя на едва различимые в тусклом свете очертания цитадели, видневшиеся над краем земляных укреплений. Небо

озарялось вспышками артиллерийского огня: имперские мортиры стреляли по лагерю Железных Воинов, но обстрел не был прицельным, и за исключением случаев прямого попадания машинам и войскам в дополнительно укрепленных бункерах ничто не угрожало.

— Будущее проясняется, его пути становятся четче, и я уже вижу, куда они ведут: именно туда, куда предполагал Пертурабо, и это замечательно. Дворцы врага будут обращены в руины, его солдат вздернут на виселицах вдоль всех дорог отсюда до самой Терры, и все наши усилия окупятся. Я видел это, равно как и другие картины будущего — безжалостные сражения и победы небывалых масштабов. Это приятные видения, но жалкие дураки, которых нам предстоит уничтожить, так не думают. Как и большинство смертных, они теряют разум от страха, столкнувшись с истинным величием Хаоса. Их зрение, их понимание ограничены, и в этом причина того, что с ними сотворил Император.

С каждым словом голос Кузнеца Войны звучал все громче, и сердца Хонсю бились все быстрее в унисон с каждой новой фразой, наполненной обещанием небывалых возможностей. Сражение на этой планете уже приближалось к финалу, и Кузнец Войны сулил им победу. Солдаты-простолюдины выполнили свою задачу, и честь захватить саму цитадель была уготована Железным Воинам. И этот миг уже приближался — Кузнец не мог и не хотел больше ждать.

Не требовалось большого ума, чтобы понять это.

Грядущая битва наполняла Хонсю предвкушением, и неприятное присутствие Кроагера, стоявшего рядом, не могло помешать этому чувству. Кроагер уже несколько дней ни с кем не говорил, и хотя в обычных условиях Хонсю был бы только рад такой сдержанности, сейчас подобное поведение казалось подозрительным. Даже не видя лица под шлемом, он наметанным глазом ратника разглядел, что в сопернике что-то изменилось. Теперь Кроагер двигался с уверенной легкостью, пришедшей на смену его всегдашней бычьей напористости; теперь это был боец, а не мясник, и такая перемена Хонсю вовсе не нравилась.

Он взглянул на Форрикса: древний ветеран неловко пошевелился, с трудом неся груз новых бионических имплантатов. Хирумехи сотворили настоящее чудо и восстановили его тело за рекордные сроки, а демоническая магия вернула искру его жизни почти с самой границы небытия.

Кузнец Войны вновь приблизился к ним, и Хонсю приготовился вытерпеть очередную волну болезненных спазмов и тошноты.

— Я узнал правду об этой вселенной, — изрек Кузнец, — и правда эта в том, что лишь Хаос вечен. Мы оказались на Гидре Кордатус из-за переплетения причин и следствий, действий и противодействий, которое началось многие тысячи лет назад, хотя во вселенной ничто по-настоящему не рождается и не заканчивается.

Повернувшись, Кузнец Войны широко развел руки, словно охватывая всю громаду цитадели.

— Я помогал строить эту цитадель, когда Великий крестовый поход был уже близок к завершению. Я работал плечом к плечу с самим великим Пертурабо, и мы возводили эти величественные стены все выше к небесам — во славу Императора. Но уже тогда Пертурабо знал, что однажды Император предаст нас, и строил цитадель по собственному плану. Сейчас же вам предстоит разрушить то, что я когда-то создал.

Хонсю был поражен. Кузнец Войны построил эту цитадель? Теперь он начал понимать, откуда взялось то хитроумие, с которым были сооружены эти укрепления: их возводили лучшие инженеры той эпохи, и для их разрушения требовались столь же великолепные воины.

— В этой точке времени и пространства рождаются миллиарды возможностей, и каждая может кардинально измениться в результате самого незначительного поступка, — продолжал Кузнец Войны. — Каждому из вас уготована своя роль в этом будущем. И вы не подведете меня, а если подведете, то вас ждет смерть, и не важно, от моей руки или от руки врага. Кому-то из вас предначертано умереть, а кто-то из вас уже умер.

Хонсю нахмурился, обдумывая слова командира. Откроет ли он им исход завтрашней битвы? Как будто подслушав его мысли, Кузнец Войны обратился к нему напрямую:

— Только Великому Заговорщику известны все бесконечные варианты будущего, но я видел манящие образы того, что должно случиться. Истории, которые еще только предстоит написать, расходятся передо мной лабиринтом переплетающихся тропок, и я вижу их все.

Останавливаясь по очереди перед каждым из своих чемпионов, Кузнец Войны отрывистым жестом приказал им встать.

— Хонсю. Ты доказал, что можешь быть достойным лидером, и хотя ничто не очистит твою кровь от скверны, заключенной в геносеми врага, с которым мы сражаемся, ты истинный сын Хаоса. Я провижу, что в честь тебя будут сгорать целые планеты. Но жизнь твоя висит на волоске, и весьма вероятно, что завтра ты умрешь. Если случится так, то прими смерть достойно.

— Форрикс. Я много раз сражался рядом с тобой, и вместе мы пролили кровь миллионов. Целые секторы галактики проклинали нас, и легионы мертвых уже ждут тебя, чтобы пройти по дороге в ад. Ты станешь легендой для Железных Воинов.

— Кроагер... Кроагер, я не могу различить ничего из твоего будущего за пределами резни на этих стенах. Твой путь ведет в места, которых я никогда не увижу, но я не знаю, кому — тебе или мне — следует об этом сожалеть.

Многое из того, что сказал кузнец Войн, осталось для Хонсю непонятным, но он чувствовал, что каждое слово имеет особое значение. Он едва расслышал пророчества, сделанные остальным капитанам — так сильно озадачило его предсказание, адресованное лично ему. Неужели он завтра погибнет? Или ему все-таки удастся выжить, чтобы обречь на страдания новые миры Лже-Императора?

Эти материи лежали за пределами его понимания, но полученное признание в глазах Кузнеца Войны несказанно ободрило его, убеждая, что все было не напрасно.

На каменных ступенях его шаги звучали особенно громко, но магос Наицин знал, что шум никто не услышит. Даже если бы здесь кто-то и был, магос с легкостью мог бы объяснить свое присутствие.

Темная башня копьем черноты пронзала рубиновое небо. Затянутой в перчатку рукой Наицин потер поверхность бронзовой маски, край которой натирал лицевые ткани. Каким облегчением будет наконец избавиться от аугметики, необходимой для исполнения его роли, и почувствовать прикосновение свежего воздуха к его истинной плоти!

От мысли о предстоящем деле по телу Наицина пробежала волна возбуждения. До сих пор его задачей было держать в неведении и снабжать ложной информацией того, кто и так уже запутался, — жреца машины, в котором едва оставалась хоть толика человечности, и влиять на которого с каждым днем становилось все проще. Угрозы разоблачения практически не было с того самого момента, как он занял место настоящего Наицина на Никсоре Секундус почти сто лет назад: вот лучшее доказательство того, насколько легко жрецы машины, слепо следовавшие догме, становились жертвами интриг и обмана.

Всего несколько правильно подобранных символов, пара ритуальных строчек бессмысленной тарабарщины — и они уже готовы поверить, что ты один из них. И вот эта легковверная организация была одним из столпов, на которых держался проклятый Империи? Противно даже думать. Чем быстрее его повелитель уничтожит эту бесполезную систему, тем лучше. Отделавшись от нее, человечество, объединенное под властью Хаоса, станет только сильнее.

Наицин поднялся на вершину склона и оглянулся на оставшиеся внизу пустоши Гидры Кордатур. Атака Железных Воинов начнется на рассвете: железный шторм, в котором утонет цитадель, и против ярости его не выстоит никто. Люди, сражавшиеся на стенах, действовали мужественно, но Наицин сомневался, что от этого мужества осталось бы хоть что-то, узнай они, что случилось на этой планете и почему она стала столь безжизненной. Еще интереснее для них было бы узнать, что сейчас происходит с их собственными телами.

Он посмотрел на противоположный склон долины, в который раз уже гадая, где нашел последнее пристанище беспокойный гвардеец Хоук. Тот факт, что он выжил, почти что открыл Леониду глаза на обман, устроенный Адептус Механикус; но Наицин должным образом проинструктировал своих подчиненных, и полковник ушел из лазарета Биологис, так ничего и не узнав.

Наицин направился к дверям в Гробницу, по обе стороны которых в настенных креплениях, потрескивая, горели факелы; открыв двери, он сразу же уловил характерный запах крови и смерти. Это место было могилой, и запах смерти был понятен, но вот запах крови был для Гробницы новым.

Магос вошел в хорошо освещенные внешние залы и с восхищением посмотрел вверх, на

витражное окно. Безымянные космические десантники, изображенные на витраже в разгар сражения, проявляли самую суровую беспощадность, которая не шла ни в какое сравнение с действиями их врагов. Варварская жестокость, пугающая в своей бескомпромиссности. Витраж показывал вовсе не верных героев Империиума, а был наглядным предупреждением: даже те, кто возвысился более всех, легко могли упасть с вершины.

Наицину был ясен иронический подтекст витражной картины, ведь он знал правду об этом месте и истинные имена его строителей; но он пришел сюда не для того, чтобы восхищаться архитектурой гробницы. У него было гораздо более важное дело.

Ночь постепенно отступала, и на полу появились полосы красного света – наступала зоря Железных Воинов. Время пришло.

Взявшись за ручки дверей, что вели в оссуарий, Наицин помедлил, наслаждаясь величием момента; он подождал, пока впечатления от каждой секунды не отпечатались в памяти, а затем распахнул двери.

За ними обнаружилось существо гигантских размеров. Его тело было странным, гротескным образом деформировано; руки, похожие на толстые кабели, неподвижно свисали по бокам, а под мантией то и дело пробегала рябь, вызванная движением, которое ткань едва могла скрыть. Под капюшоном мантии Наицин разглядел лицо преобразенного адепта Цицерина: биомеханические электросхемы, вросшие в его кожу, постоянно двигались, сплетаясь во все более сложные конфигурации. Лицо Цицерина стало бледным, почти матово-белым, как металл, испещренный извилистыми венами из ртути. Бывшего жреца машины окружала аура чудовищной силы, и при виде этого существа Наицин почувствовал, как в груди удушливой волной поднимается страх. Потрясенный, он сделал шаг назад.

Руки Цицерина поднялись, трансформируясь в крупнокалиберные стволы биомеханического оружия, а глаза его непрерывно следили за каждым движением Наицина. На секунду магосу показалось, что Цицерин вот-вот его уничтожит, но затем в измененном мозгу адепта запустился какой-то неведомый алгоритм, определивший, что магос не представляет угрозы, и руки-стволы опустились.

Наицин сглотнул, сиюсь побороть страх, и указал на двери, за которыми открывался склон горы, спускавшийся к цитадели:

— Адепт Цицерин, я пришел, чтобы отвести тебя домой.

Глава 4

Через час после рассвета лучи солнца показались над краем земляных укреплений. Светило поднималось, а вместе с ним возрастало и нетерпение Хонсю. Красное сияние залило всю долину, ров перед цитаделью погрузился в тень, а темно-серый доспех Железного Воина в отблесках света сиял, как окровавленное серебро. Имперские артиллеристы и осадные танки армии Хаоса вели между собой дуэль, и каждый выстрел сопровождался фонтанами земли и

клубами дыма. Но борьба была неравной, и осадные танки методично уничтожали орудия цитадели одно за другим.

Хонсю и его воины припали к земле за «Поборниками». Шум здесь стоял оглушительный, и поверхность планеты дрожала от ураганного огня. Всего через несколько мгновений он скомандует своему отряду атаковать Первый равелин с целью захватить внешние укрепления и не дать тамошним орудиям фланкировать отряды Форрикса и Кроагера, расположившиеся справа. Форриксу выпала честь штурмовать брешь в куртине, а Кроагер и его берсерки должны были напасть на брешь в бастиионе Мори. Но если равелин устоит, то обе атаки окончатся провалом.

Как только с равелином будет покончено, планировалось, что Хонсю и его отряд перейдут ров и присоединятся к Форриксу в штурме бреша. На этом все планы заканчивались, так как солдаты, прошедшие через ад штурма, будут слишком опьянены кровью и устроят бойню, которую практически ничто не сможет остановить. Хонсю уже предвкушал этот момент.

Форрикс и его воины собрались вaproше, зигзагообразно отходившем от третьей параллели; Хонсю заметил, что с каждым сделанным шагом ветеран все лучше контролирует новые механические части своего тела. Кроагер замер без движения у стрелковой ступени на дальнем конце параллели и не сводил глаз с бреша, которую ему предстояло атаковать. Вместо того чтобы расхаживать, как обычно, с хвастливым видом и осыпать Хонсю насмешками, он погрузился в зловещее молчание.

Еще на рассвете Хонсю подошел к сопернику и даже острее, чем раньше, ощутил, как сильно тот переменился.

— Кузнец Войны оказал тебе честь, Кроагер, — сказал он, но берсерк не ответил и даже не подал вида, что вообще заметил его.

— Кроагер? — повторил Хонсю и протянул руку, чтобы прикоснуться к его наплечнику, но Кроагер, мгновенно среагировав, схватил его за запястье и оттолкнул. Хонсю зарычал и уже было схватился за меч, но тут берсерк развернулся к нему, и не осталось сомнений, что атаковать его означало смерть.

Шлем Кроагера излучал бледное свечение, и хотя Хонсю не мог сказать наверняка, но ему показалось, что такое же свечение угадывалось и за визором. В этом свете чувствовалось присутствие древнего зла, и Хонсю медленно вложил меч в ножны, повернулся и пошел назад, к своей роте.

Сейчас же, переминаясь от нетерпения перед атакой, он встряхнул головой, чтобы выбросить этот эпизод из памяти. И вот гулкие раскаты «Поборников» стихли; взревев двигателями, осадные танки отошли назад. Именно этого сигнала и ждал Хонсю. Выпрямившись, он поднял оружие над головой.

— Смерть Лже-Императору! — закричал он и, выбравшись через амбразуру на разбитый скат

бруствера, бросился вперед, ведя за собой остальных воинов роты.

До края рва оставалось меньше десяти метров, и Хонсю пробежал их под ружейным огнем, который открыли защитники на фланках бастioned и почти обрушенной куртине. Пули свистели в воздухе, ослепительно-яркие лазерные разряды обращали в пар землю рядом с ним и силились пробить доспех, но Хонсю добрался до рва и с глухим рыком, полным ненависти, скользнул вниз.

Дно устилали тела, целое море окровавленных и уже начавших разлагаться тел. Под огнем неприятеля Хонсю пересек ров по ковру из трупов, и под его весом дробились кости мертвых и лопались размягченные гниением ткани. Солдаты на Первом равелине храбро сражались все эти дни, но до сих пор им доводилось иметь дело лишь с расходным материалом армии Железных Воинов. Теперь же им предстояло сразиться с ее элитой.

Шквал лазерного огня с парапетов усилился, мощные разряды оставляли воронки на дне рва, подбрасывали в воздух отсеченные конечности и даже целые трупы, раздувшиеся от газов. Но большая часть выстрелов проходила выше цели — верный признак того, насколько неумелыми бойцами были имперские солдаты. Они могли эффективно целиться только в большое скопление мишеней и сейчас то и дело мазали, сумев сразить лишь пару-другую Железных Воинов.

Хонсю добрался до подножия равелина и, стрельнув по парапету, начал карабкаться вверх, не останавливаясь под ответными выстрелами. Поверхность стены, когда-то гладкая, теперь была покрыта трещинами и выбоинами, которые облегчали подъем. Стрелки на фланке бастiona Мори обрушили на стены равелина град пуль и бурю лазерных разрядов, но Хонсю слышал рев, который издали ринувшиеся в атаку воины, и понял, что Форрикс и Кроагер начали штурм.

Несмотря на взрывы гранат и обстрел со стен, на равелин уже поднимались несколько десятков атакующих. Одному из Железных Воинов, поднимавшемуся рядом с Хонсю, разорвавшимся снарядом оторвало голову. Руки его разжались, и он упал со стены, сбив при падении еще пятерых.

Хонсю встряхнул головой, очищая шлем от заляпавшей его крови, сильным ударом кулака пробил кладку стены и ухватился за балку арматуры — как раз вовремя, чтобы встретить целую связку гранат, что скользила к нему по отлогой поверхности. Он вжался в стену, готовясь к взрыву. Сила детонации была такова, что из стены был вырван огромный кусок рокрита; взрывная волна потянула Хонсю за собой, но он изо всех сил держался за балку, не обращая внимания на рвущиеся сухожилия в руках. На визоре засветились красным руны предупреждения. Он чувствовал, что раны на руках и ногах кровоточат, но все равно продолжил подъем.

Чем выше он поднимался, тем более пологой становилась стена, на этом уровне уже частично уничтоженная осадными танками. Выстрелы снизу доносились все реже: Железные Воины, которые до этого вели огонь по парапету, убрали оружие и начали восхождение на равелин.

Хонсю выстрелил в лицо солдату, который показался над парапетом, и бросил быстрый взгляд назад. Они до сих пор еще не завершили подъем, а уже погибло с десяток Железных Воинов. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить потрескивающий клинок силового меча, которым один из Имперских Кулаков намеревался снести ему голову. Хонсю вжался в стену, но меч все равно отсек часть наплечника, а когда цель увернулась от второго удара, глубоко погрузился в рокритовую поверхность и выбил сноп оранжевых искр, натолкнувшись на арматурную балку.

Имперский Кулак отвел меч назад, готовясь к новому удару, но Хонсю отшатнулся в сторону и, обнажив собственное оружие, сделал резкий выпад. Клинок пронзил грудь врага; Хонсю одним рывком преодолел парапет и врезался в группу гвардейцев, которые как раз спешили закрыть прореху в обороне стены. Он еще усилил эффект, нанеся несколько ударов локтями, и в ответ услышал крики и хруст костей. Поднялся на колени и рубанул мечом по ногам Имперского Кулака, который неся на него, потом перевернул меч и вогнал клинок в шлем упавшего врага. Еле успел вытащить меч, чтобы заблокировать еще один удар, на этот раз нанесенный имперским офицером со звездой майора на груди.

Этот неуклюжий выпад Хонсю остановил с легкостью и тут же ударил офицера в пах, дробя тазовые кости, и противник рухнул на землю, вопя от боли.

— Железные Воины — ко мне! — приказал Хонсю, широкими взмахами меча очищая пространство вокруг себя.

Еще двое воинов из его роты перебрались через край парапета, и втроем они образовали клин, который врубился, забрызгивая серебро брони кровью, в скопление гвардейцев.

Заметив опасную ситуацию, сержант Имперских Кулаков бросился на Хонсю, который шел на острие клина. Тот сумел уклониться от выстрелов из плазменного пистолета, но другому Железному Воину, как раз перебирававшемуся через парапет, повезло меньше — разряд плазмы попал ему в голову.

Хонсю сжал рукоять меча двумя руками, поднырнул под удар и, поднявшись на ноги, обезглавил космического десантника одним взмахом. К этому моменту на парапет поднялись с десяток Железных Воинов, а остальные уже заканчивали подъем; клин, который вел Хонсю, с боем продвигался дальше по равелину, и враг вынужден был отступить. Атакующие постепенно заняли всю стену, они сражались, не зная пощады, и гвардейцы, столкнувшись с такой варварской жестокостью, сдавали позиции. Хонсю торжествующе закричал, видя победу: парапет был у них в руках. Враг не просто отступал, а практически обратился в бегство, и от полной паники защитников удерживали лишь несколько Имперских Кулаков, еще стоявших в их рядах.

В центре равелина обнаружилась группа гвардейцев: с тяжелым вооружением наготове они оставались в резерве и ждали приказа от молодого офицера, их командира. Заметив их, Хонсю спрыгнул с парапета и, приземлившись, откатился в сторону — офицер как раз выбирал подходящий момент, чтобы открыть огонь. Он взмахнул мечом, и внутренние фасы равелина содрогнулись от крупнокалиберного залпа, который смел со стены четырех Железных Воинов.

В ответ раздались болтерные выстрелы, и несколько гвардейцев упали.

Крики и звуки стрельбы слились в оглушительное крещендо, постепенно охватившее стены рavelина и бастiony. Тут и там от разорвавшихся снарядов занимались пожары, тлела униформа на телах павших, и над укреплениями поднялись столбы дыма.

Гвардейцы продолжали падать под болтерным огнем; офицер опять взмахнул мечом, давая команду к новому залпу, но было уже слишком поздно: Хонсю добрался до резервной группы и теперь уничтожал противника с каким-то безумным упоением. Он проложил себе путь в фонтанах крови, среди отрубленных конечностей и выпущенных наружу внутренностей — и, наконец, ударил в самое сердце обороны рavelина.

Теперь на стенах лишь кое-где еще виднелись проблески желтого на доспехах Имперских Кулаков — маленькие островки сопротивления в окружении Железных Воинов, волной захлестнувших рavelин. Хонсю не сомневался, что скоро и эти отдельные очаги будут скоро подавлены.

Впереди он уже видел тяжелые створки золотых ворот, что вели внутрь цитадели. По бокам от них — высокие орудийные башни, поврежденные обстрелом, но без осадных танков ворота все равно были неприступны. Однако справа от них Хонсю заметил огромную брешь, на гребне которой кипела жесточайшая битва.

— Железные Воины, за мной! — заорал он, стараясь перекричать грохот битвы, а затем, подняв окровавленный меч, побежал к бреши.

Первый рavelин пал.

— Вперед! — крикнул Форрикс, стоя лишь немногим ниже гребня бреши. Его силовой кулак искрился смертоносной энергией, и ветеран уже чувствовал вкус близкой победы. Его доспех покрылся вмятинами и кое-где был даже пробит, но сам воин ничего не чувствовал — таинственные технологии, с помощью которых была изготовлена его новая аугметика, делали тело невосприимчивым к боли. Очередной болтерный снаряд ударил в нагрудник и взорвался, осколки рикошетом зацепили шлем и оставили на нем глубокие борозды, но в ответ Форрикс лишь рассмеялся с безумным весельем.

В сражении за брешь, затянутую дымом, смешался всякий боевой порядок. Повсюду лежали мертвые тела — как врагов, так и своих. Три раза Железные Воины поднимались на гребень, и три раза прихвостни Дорна отбрасывали их вниз.

Форрикс снова пошел на штурм, широкими шагами медленно, но неумолимо продвигаясь вверх, но прямо у него под ногами взорвалась заглубленная мина, земля вздыбилась, и его отшвырнуло назад. Обломок скалы врезался в его лишь недавно восстановленный шлем и разбил визор так, что из-за трещин теперь почти ничего не было видно.

Прокатившись несколько метров вниз по склону, Форрикс остановился на гряде щебня и сразу же в ярости встал. Сорвал с головы изуродованный шлем и бросил его куда-то в клубы дыма у бреша. Он разглядел силуэты, мелькнувшие впереди, и открыл огонь из комби-болтера — одна фигура упала, но другие ответили выстрелами.

Завесу дыма и скрывавшихся в ней врагов пронзила крупнокалиберная очередь — то заговорил «Жнец» смертоносная автопушка, снаряды которой просто смели неприятеля. Форрикс быстро осмотрелся, оценивая ситуацию. Его рота уже понесла серьезные потери, и в них не будет никакого смысла, если его отряд не сможет продвинуться дальше.

Уцелевшие Железные Воины поднимались по склону, постепенно приближаясь к брешу, и тут Форрикс услышал победный рев, донесшийся откуда-то снизу. Это означало, что полукровке удалось захватить рavelин, но ветеран по-прежнему не знал, как обстоят дела у Кроагера, атаковавшего восточный бастион. Форрикс раздраженно зарычал и продолжил восхождение к брешу, вслепую стреляя в клубы дыма. Рядом шли около двадцати терминаторов, и они тоже ни на секунду не прекращали обстрел противника.

Защитники бреша огрызались, укрывшись за полуразрушенными стенами, но Форрикс не обращал внимания ни на пули, ни на лазерные разряды. Сейчас он видел только брешь.

Он уже почти поднялся к ней, когда из-за гребня послышался оглушительный гул, и скалы перед ним разлетелись на мелкие осколки, а от огромных кусков рокрита осталась только пыль. Всего один сокрушительный залп не оставил и следа от шестерых Железных Воинов; опалаяющий энергетический луч обратил в пар все туловище еще одного. Несколько мгновений его ноги еще сохраняли вертикальное положение, но затем останки скатились по щебнистому склону.

Прижимаясь к земле, Форрикс подполз к краю бреша и рискнул приподнять голову, больше не защищенную шлемом, над грудой камней — и увидел чудовищ из легенд, и не одно, а целых два. Два титана-разведчика, подвижные и маневренные, курсировали по незащищенному пространству между внешними и внутренними стенами цитадели. Они кружили, как хищники в клетке, и останавливались лишь затем, чтобы обрушить на брешь очередной разрушительный залп из болтеров «Вулкан».

Сердце Форрикса сжалось. Пока «Псы войны» прикрывали брешь, преодолеть ее было практически невозможно.

Существо, которое пробиралось по искореженным обломкам стали и рокрита к брешу бастиона Мори, когда-то было одним из смелых лейтенантов 383-го полка Джуранских драгун; но теперь на место Лараны Уториан пришло нечто неизмеримо древнее и злобное. Первобытный рев Аватары Кхорна выражал силу, с которой Ларана ненавидела.

Ненавидела гвардейцев за то, что они стреляли по своим.

Ненавидела Кроагера за то, что он не оставил ей иного выбора.

Ненавидела Императора за то, что он позволил всему этому случиться.

Ненависть кровью проросла в самое сердце Лараны.

Воины из роты Кроагера следовали за этим существом, полагая, что идут за своим командиром. Они с боем прокладывали себе путь сквозь вражеский огонь и взрывы, и свирепость и словно заговоренная неуязвимость существа вызывали в них благоговение.

Казалось, рядом с Аватарой пули замедляли полет и отклонялись от своих траекторий; лазерные лучи проходили сквозь тело существа, а взрывы, которые должны были бы разнести его на части, оборачивались лишь рикошетом осколков, которые не оставляли и следа на его доспехе. Там, где другие воины с трудом взбирались по крутому склону, их командир шел легко, как будто по ровной земле. Существо широкими и уверенными шагами приближалось к вершине, и расстояние, разделявшее Аватару и остальных Железных Воинов, все увеличивалось.

Наконец Аватара достигла гребня бреши. Меч в руках воплощения Кхорна пел смертоносную песню, и каждый, кто вставал на его пути, погибал. Железные Воины еще не закончили подъем, и вскоре существо оказалось в окружении Имперских Кулаков.

Аватару это не пугало; наоборот, существо предвкушало бой, нуждалось в нем. Оно взметнулось в прыжке, перелетело через воинов, стоявших впереди, обезглавило двоих и приземлилось за спинами остальных. Резко ударив ногой, переломило позвоночник одному воину и разрубило второго напополам одним ударом меча. Со всех сторон на него нападали и Имперские Кулаки, и гвардейцы, но ни один их удар не достигал цели.

Аватара пробила череп одному из кричащих солдат и, схватив его за одежду, подбросила вверх, так, чтобы поток крови оросил ее сверкающий доспех. Соприкоснувшись с металлом, капли крови шипели, и броня втягивала их в себя с чудовищным причмокивающим звуком.

На место павших становились новые воины, но все они гибли один за другим, бессильные перед воплощением бога Крови.

Аватару окружило пульсирующее сияние, тело существа начало раздуваться, как если бы его физическая форма уже не могла вместить в себя излишек силы. Над бастионом Мори раздался громopodobный хохот, наполненный вековой злобой, и защитники цитадели дрогнули.

Железные Воины наконец добрались до бреши и теперь разворачивали строй позади Аватары, без колебаний вступая в бой. Аватара наблюдала за сражением, и волны ненависти и жестокости омывали ее сущность подобно живительной влаге, болью и смертью подпитывали ее нового носителя. Но вдруг укол резкой боли вырвал воплощение Кхорна из экстаза битвы, и белое свечение, исходившее из его шлема, раскалилось, как обжигающее солнце. Аватара искала того, кто решился напасть на нее.

К ней приближался космический десантник в подчеркнуто простом, без украшений доспехе Имперских Кулаков. В руке он сжимал потрескивающий психосиловой посох, и Аватара рассмеялась, почуяв в войне псайкера. Такого врага стоило убить.

Над шлемом библиария, над гексаграммами сигилл и резными печатями чистоты, которыми была покрыта его поверхность, возник мерцающий нимб психической энергии.

— Я отправлю тебя в ад, мразь, где тебе и место! — прошипел библиарий Корвин.

Луч ослепительного света вырвался из его посоха и ударил в грудь Аватары. Существо пошатнулось и упало на колени, окутанное губительным огнем. Боль заставила его взречься, и внезапно воплощение Кхорна одним быстрым выпадом пронзило мечом одного из Железных Воинов. Кровь, стекавшая по клинку, укрепила Аватару, придала ей сил подняться на ноги, а труп, из которого вышли все жизненные соки, рухнул на землю.

Энергия разрядами вырывалась из тела Аватары, потоком струилась по пластинам доспеха; существо вновь рассмеялось:

— Ты заблуждаешься, — произнес скрипучий голос, когда-то принадлежавший Ларане Уториан. — Разве ты не знаешь, что Кхорн — проклятие псайкеров?

У бреши кипела ожесточенная битва, но ни одна из сторон не спешила вмешиваться в это противоборство духа, которое разворачивалось на ином плане бытия. Библиарий приготовился нанести ответный удар:

— Пред силой Императора изыди, нечистый демон! — громогласно рек Корвин и направил еще один луч света в Аватару.

И вновь существо рухнуло на колени; и вновь библиарий обрушил на него потоки обжигающего света. Но и сам он все ниже сползал по полуразрушенной стене, на которую ему пришлось опереться: его силы иссякали, сама его душа таяла в поединке с этим чудовищем.

Аватара распростерла руки и исторгла крик, полный такой ненависти, что пошатнулся весь бастион. Из доспеха твари вырвался алый водоворот голода и пронесся по всей бреши, как фронт ударной волны, поражая всех и каждого в радиусе ста шагов. Энергетическая буря, питаемая ненавистью, бушевала в стенах бастиона Мори, и каждый, кого она касалась, был разорван на части. Кровь жертв, подхваченная эфирным вихрем, устремлялась обратно к Аватаре — эпицентру урагана.

Существо увеличивалось в размерах, и металл его доспеха его стонал и трещал, расширяясь, чтобы вместить новую энергию, собранную в этой смертоносной жатве. Вокруг лежали иссушенные тела — Железные Воины, Имперские Кулаки, джуранцы: их жизненная сила стала пищей, которую теперь поглощал убивший их монстр. Аватара выпрямилась в полный рост, став намного выше разбитых стен бреши; ее броня и оружие сверкали от едва сдерживаемого

избытка силы.

И лишь один выжил в этом урагане — библиарий Корвин. Священные сгиллы на его доспехе почернели, словно их стер огонь; он с трудом держался на ногах и тяжело опирался на посох, а рядом уже грохотали шаги Аватары.

— Ты еще жив, псайкер? — проревело существо, поднимая меч. — Что ж, скоро ты об этом пожалеешь.

Корвин заглянул в горящие глаза Аватары и увидел там смерть.

Сверкающий меч прочертил дугу, которая с отвратительным звуком, как будто рвались мышцы, распорол тонкую ткань реальности. Между мирами открылась черная трещина, и воздух наполнился гудением, словно стаи мух влетели сквозь нее в этот мир из какого-то чуждого измерения.

Меч Аватары рассек Корвина напополам; он умер, не издав ни звука, и его останки втянула в себя темная прореха, что разорвала связь пространства и времени. Существо же упивалось смертью, предчувствовало океаны крови, которой еще только предстояло пролиться. Клинок, пресытившийся болью, открыл ему путь к целому сонму душ, которых нужно было собрать для Кровавого Бога. За этой прорехой в ткани реальности лежали миры, в которых прошлая жизнь существа была бы короче одного удара сердца; миры, в которых голод Кхорна, возможно, однажды будет утолен в резне небывалых масштабов.

Аватара засмеялась, понимая, что такое просто невозможно: голод Кровавого Бога — бездонный океан, чрево, которое никогда не сможет насытиться. Металл доспеха на Аватаре еще больше расширился, впитывая в себя свежееубитые души и наполняясь новой жизнью — новой целью.

Ларана Уториан увидела свое будущее, увидела вечность, где была только война и смерть, и закричала. Это был безмолвный крик, звучавший лишь в ее разуме, и возник он потому, что какая-то часть ее души, порочная часть, радовалась такой судьбе.

Не оглядываясь назад, Аватара прошла навстречу своей участи через темный портал, за которым открывались измерения, неведомые смертным.

Ее ждала бесконечная битва и бесконечная жизнь, чтобы принять в ней участие.

Хонсю взбирался по склону к брешу, предвкушая хорошую драку. Железные Воины собрались на гребне пролома в стене — у груды камней, затянутых клубами дыма, сквозь которые то и дело виднелись проблески. Стреляло какое-то орудие, пока остававшееся невидимым за пеленой дыма, но по характеру огня Хонсю предположил, что установлено оно на титане.

Форрикс заметил его приближение, указал рукой вперед, на брешь, и заявил, стараясь перекричать очередь грохочущих выстрелов из «Вулкана»:

— Здесь нам не пройти!

— Но если мы останемся тут, орудия бастиона разорвут нас на куски! — возразил Хонсю. — Нужно прорываться через брешь!

Форрикс указал на бастион Мори, очертания которого угадывались в дыму, и Хонсю заметил, что с той стороны не доносилось никаких звуков, обычно сопутствующих битве: ни выстрелов, ни криков раненых, ни лязга стали. Лишь тогда он увидел нечто в воздухе над брешью — разрез, края которого медленно смыкались, как у зарастающей раны, а между ними еще виднелась россыпь звезд.

— Это что еще такое, во имя Хаоса?

— Не знаю, полукровка, но именно туда ушел Кроагер.

— Не понимаю, — признался Хонсю, когда мерцающая прореха полностью закрылась.

— Я тоже, но сейчас о Кроагере нам надо думать в последнюю очередь. Нужно найти что-то, что уберет отсюда этих треклятых «Псов войны».

Как будто в ответ на слова Форрикса послышался глухой удар, и по склону посыпались мелкие камни. Через мгновение земля задрожала вновь, словно от падения гигантского молота, и Хонсю обернулся, ощутив присутствие чего-то очень древнего и очень страшного.

Теперь громopodobные удары следовали один за другим, и камни сыпались от бреши сплошным каскадом.

Наконец дым развеялся, и из черных клубов показался «Диес Ире» — тяжело шагая, он двигался к цитадели.

Принцепс Дээкиан, сидевший высоко над землей в командном мостике титана класса «Пес войны», даже по вокс-связи почувствовал волнение принцепса Карлсена и улыбнулся с мрачной решимостью.

— Это «Диес Ире», он снова на ходу. Только Император знает, как это случилось, но он направляется прямо к бастиону Винкаре!

В предупреждении Карлсена не было нужды: впередсмотрящие Дээкиана уже доложили о появлении вражеской машины. Чувствовалось, что Карлсен хочет присоединиться к нему в

битве с «Диес Ире», но даже беглый взгляд на планшет тактической обстановки показал Дазкиану, что больше всего пользы «Псы» принесут, прикрывая брешь.

— Стойте, принцепс Карлсен. Удерживайте занимаемые позиции, — приказал он.

— Так точно, сэр, — отозвался Карлсен, не скрывая своего разочарования.

Дазкиан с мастерской точностью направил своего «Повелителя войны» через ворота во внутренней стене, приказав титану пригнуть тяжелую голову, чтобы не лишиться наплечных орудий. «Армис Юват» и «Пакс Император», оба класса «Грабитель», были меньше по размеру и проследовали за ним без проблем. После первого сражения всех трех титанов спешно отремонтировали, но ни один из них не восстановил боеспособность в полной мере.

Хотя Дазкиан не сомневался в своих подчиненных и в боевом духе самого «Гонорис Кауза», он все же приготовился предстать перед Императором и лишь затем поднялся в рубку титана. Он давно знал, что все закончится именно так, и пусть грядущий бой завершится его смертью — Дазкиан все равно гордился тем, что именно ему выпал шанс отомстить за принцепса Фиераха.

Вмешательство «Диес Ире» в сражение уже приносило свои плоды. Имперские войска в страхе бежали, едва завидев гигантское чудовище, что вынырнуло из-за завесы дыма. Имперские Кулаки отступали организованно, но и космические десантники понимали, что поединок с такой тварью закончится ничем. Валы и укрепления не могли защитить от врага таких размеров, которому было под силу переступить через весь бастион всего лишь одним шагом и всего лишь одним выстрелом — уничтожить все его стены.

Бегущие гвардейцы были уже у ног титана, и Дазкиан выругался: он не мог двигаться вперед. Пята титана могла раздавить целый взвод, а «Диес Ире» тем временем уже был у третьей параллели. Еще несколько секунд — и он доберется до стен.

— Модератор Иссар, выведите из строя щиты этой твари! — заорал он, поднимая тяжелую ногу титана для шага вперед и молясь, чтобы люди внизу успели убраться с дороги. — Инженерная палуба, первую походную скорость.

Роторные бластеры, установленные на плечах его титана, прочертили в воздухе пунктир огненных линий, и в корпус «Диес Ире» ударил шквал подкалиберных бронебойных снарядов. Ярko вспыхнув, схлопнулись пустотные щиты, но Дазкиан знал, что это только начало битвы.

«Армис Юват» и «Пакс Император» заняли позиции на его флангах и вели огонь, не сбавляя скорости, а сам Дазкиан тем временем пытался осторожно обойти отступающие войска. Внезапно раздался сильный взрыв — один выстрел из плазменного аннигилятора, установленного на вражеском титане, уничтожил угловую орудийную башню бастиона Винкаре. В воздух взлетели огромные куски рокрита, но большая часть стен просто расплавилась, и башня осела под собственным весом.

Дазкиан выругался, почувствовав, как под огненным напором «Диес Ире» поддались щиты, и приказал своему титану резко повернуть к бастиону и перешагнуть через линии траншей.

Чудовищный враг был прямо перед ним: ужасные очертания «Диес Ире» были ясно видны над неровной кромкой разрушенного парапета, и Дазкиан ощутил тяжесть в желудке — холодную, свинцовую тяжесть. Корпус вражеской машины почернел, опаленный огнем, голова превратилась в расплавленную, покрытую вмятинами глыбу металла, в которой светился зеленым единственным уцелевший глаз, но орудия не смолкали ни на миг и держали под непрерывным обстрелом как парапеты, так и титанов тактической группы Дазкиана.

Залп из орудия «Адский шторм» пробил щиты «Армис Юват» и повредил его левый коленный сустав, заставив титана пошатнуться.

— Армис Юват», «Пакс Император» — готовьтесь к стрельбе! — скомандовал Дазкиан и, прибавив скорости, двинулся к фланку бастиона.

Принцепсы обоих «Грабителей» привели своих титанов в устойчивое положение и выпустили смертоносный залп по «Диес Ире». Вражеский титан сделал ответный залп, не прекращая при этом продвигаться вперед. Дазкиан активировал линейные ускорители орудия «Вулкан» и взял управление им на себя. Он уважал модераторов, которые отвечали за это орудие, и полностью доверял их мастерству, но, если повезет, это будет смертельный выстрел, и сделать его он должен был сам.

Новый разряд, вырвавшийся из плазменного аннигилятора «Диес Ире», снес еще одну секцию стены, и титан спустился в ров, каждым своим шагом сминая сотни трупов. Что-то ярко сверкнуло сбоку от Дазкиана, на мгновение озарив весь мостик, и он повернул голову, чтобы увидеть, что взорвалось на этот раз.

«Армис Юват» завалился назад, а от верхней части его корпуса ничего не осталось. Подбитый «Грабитель» рухнул на землю, выбрасывая гейзеры раскаленной плазмы из пробитого реактора. «Пакс Император» изрядно пострадал от вражеского обстрела, но пока еще сражался.

— Принцепс, пустотные щиты отказывают! — закричал модератор Иссар, когда «Гонорис Кауза» поразил новый залп.

— Полный вперед! Прежде чем нас постигнет та же судьба, мы должны подобраться к этому монстру поближе! — ответил Дазкиан.

Между ними оставалось меньше ста метров, и Дазкиан уже мог разглядеть следы ужасающих повреждений, которые принцепс Фиерах сумел нанести этому порождению варпа, прежде чем принял смерть. На торс титана были кое-как приварены огромные стальные заплатки, на ногах же были установлены разнообразные вспомогательные механизмы, которые и вернули «Диес Ире» подвижность.

Роторные бластеры вывели из строя еще несколько пустотных щитов противника, а затем Дазкиан увидел, что один снаряд взорвался уже на его верхних бастионах. Защита врага, дарованная ему самим адом, была, наконец, пробита.

Дазкиан повел «Гонорис Кауза» вперед и навел орудие «Вулкан» на цель.

— За принцепса Фиераха, — прорычал он и выстрелил.

Луч энергии, мощность которого трудно было даже представить, прочертил ослепительно яркую линию, метя в голову «Диес Ире», и еще до того как цель была поражена, Дазкиан знал, что не промахнулся.

Но радость победы была недолгой: не веря своим глазам, он увидел, что луч попал в пустотный щит, восстановленный врагом всего за мгновение до удара. Корпус «Диес Ире» уже разворачивался к нему, и раскаленный добела ствол плазменного орудия был наведен точно на его машину.

— Маневр уклонения! — заорал Дазкиан, прекрасно понимая, что уже слишком поздно.

«Гонорис Кауза» отшатнулся в сторону в тот момент, когда орудие врага извергло разряд плазмы.

Прицепс Дазкиан почти успел. Почти.

Выстрел попал прямо в ствол «Вулкана», и орудие мгновенно исчезло, превратившись в раскаленный шар плазмы. Даже адамантий не выдержал температуры такого взрыва, и титан лишился руки.

Дазкиан закричал от невыносимой боли, забился в судорогах, не в силах выдержать обратный сигнал, которым блок мыслеуправления отозвался на повреждение. Из его носа и ушей текла кровь, но он не сдавался и все так же шел на сближение с «Диес Ире», контуры которого смутно угадывались сквозь дым, затянувший командный мостик.

Оба титана достигли крепостных стен одновременно; благодаря тому, что бастион Винкаре находился на возвышении, рубка, в которой располагался Дазкиан, оказалась на одном уровне с головой «Диес Ире». «Пакс Император», истекающий горячей плазмой, оставляющий за собой след из белых искр, которые каскадом сыпались из поврежденных ножных сочленений, занял позицию справа.

Дазкиан ударил врага в грудь клешней, которая венчала оставшуюся руку «Гонорис Кауза», и массивный титан закачался, но затем сам взмахнул рукой и, снеся верх рокритовой стены бастиона, нанес сокрушительный удар по бедренной секции имперской машины.

Дазкиан слышал, как треснул металл в ноге его титана, слышал крики, которые доносились с инженерной палубы по вокс-связи. В лучшем случае у него оставалось лишь несколько мгновений.

По градом вражеских ударов он вновь замахнулся клешней, на этот раз сдирая заплаты, установленные на брюхе «Диес Ире». Чудовище отшатнулось назад, пытаясь хоть как-то защитить реактор, который теперь стал уязвимым.

В бой вступил «Пакс Император». Несмотря на страшные повреждения, титан опустил цепной кулак на верхние бастионы вражеской машины, и лезвие с оглушительным визгом распорол корпус, приближаясь к командному мостику «Диес Ире».

Шипастый хвост механической твари взметнулся в хлестком ударе и вдребезги разбил коленный сустав имперского титана, в результате чего тот пошатнулся, и лезвие цепного кулака сорвалось с брони противника.

А затем «Диес Ире» развернулся, наставил плазменный аннигилятор прямо на рубку «Пакс Император» и выстрелил в упор.

Невероятной силы взрыв уничтожил всю верхнюю часть корпуса «Грабителя», и оба титана, сошедшиеся в схватке, утонули в потоках жидкого огня. Останки «Пакс Император» перевалились через стены бастиона и рухнули в ров, изрыгая в небо столбы черного дыма.

Но гибель товарища дала Дазкиану шанс.

Он приказал своему титану ударить в торс «Диес Ире», где броня, закрывавшая реактор, была раньше повреждена атакой принцепса Фиераха, а сейчас еще ослабла от жара взрывов. Дазкиан взревел, чувствуя, как клешня вспорола самое нутро врага, обхватил железной рукой его ядерное сердце и изо всех сил сжал.

Хонсю, наблюдавший за битвой окутанных дымом титанов, от всей души желал, чтобы машина «Диес Ире» раздавила презренных врагов и превратила их в металлолом. Пока шел этот поединок, он укрывался за гребнем бреша, с ног до головы покрытый грязью и кровью.

Раздражение и нетерпение нарастали в нем с каждым новым взрывом. Так им никогда не преодолеть брешь.

Два гиганта продолжали бой у дальнего бастиона — бой, от которого земля содрогалась, как при сильном землетрясении.

— Форрикс! — позвал Хонсю, перекрикивая грохот рвавшихся снарядов. — Эта битва скоро закончится, так или иначе. Пора отступить!

Форрикс покачал головой и зло усмехнулся:

— Я так и знал, что на самом деле ты трус. Никакого отступления. Мы возьмем эту брешь.

Хонсю в ярости схватил ветерана за плечо.

— Нужно убираться отсюда! Атака захлебнулась, и враг уже перегруппировался за стенами. Промедлим — и будет еще хуже. Мы проведем еще один штурм позже!

На мгновение ему показалось, что Форрикс снова начнет возражать, но ярость ветерана улеглась, и он кивнул, развернулся и, не говоря ни слова, начал спускаться по склону.

Хонсю пошел следом. Железные Воины отступили от стен и организованными группами двигались обратно ко рву, как вдруг, как раз, когда Хонсю перебирался через ошестинившийся арматурой обломок рокрита, небо наполнилось ужасающе ярким светом. Все краски померкли, словно выцвели, и день озарился ослепительным сиянием сверхновой звезды.

«Диес Ире», из брюха которого били фонтаны плазмы, оказался окутан слепящим, непереносимо жарким пламенем. Кулак вражеского титана, чьи глаза светились белым, погрузился глубоко в его внутренности и теперь разрывал на части нутро демонической машины. Сцепившись намертво, оба титана старались высвободиться из железной хватки противника, и земля вздыбилась от ярости их противостояния.

Затем раздался страшный стон: обе машины потеряли равновесие и повалились в ров.

— Бегите! — заорал Хонсю. Перед лицом этой новой опасности все мысли об организованном отступлении были забыты.

Он промчался мимо рavelина и в несколько шагов преодолел усыпанные щебнем склоны рва, а тем временем титаны тяжело рухнули на внешний фас куртины между воротами цитадели и бастионом Винкаре. Их корпуса проскрежетали по поверхности фаса, оставляя за собой потоки горячей плазмы. В защите цитадели образовалась еще одна огромная прореха.

Хонсю выбрался изо рва, изо всех сил стремясь добраться до земляных укреплений и безопасности. Форрикс бежал рядом, благодаря новым бионическим имплантатам двигаясь с приличной скоростью, несмотря на тяжеловесный терминаторский доспех.

Оба титана упали на землю с такой силой, что ударной волной Хонсю сбило с ног и швырнуло вперед. Он врезался в верхушку земляного вала, по инерции перекатился через него, и в этот момент из пробитых реакторов титанов рекой хлынула плазма.

Пылающий поток затопил ров и уничтожил бесчисленные трупы в нем за секунду. От Первого рavelина ничего не осталось — он был похоронен под тысячами тонн армаласта и керамика.

Вдоль всего рва пронеслась волна огня и пара, от которой камни на его склонах спеклись в сплошную массу.

Острые, раскаленные добела осколки дождем обрушились на цитадель; один из обломков — остатки командного мостика «Гонорис Кауза» — сокрушил часть стены всего в пяти метрах от кастеляна Леонида.

Оба титана, погрузившиеся в расплавленную жижу, которая заполнила ров, еще слабо шевелились, не прекращая бой, даже когда их полностью охватил жадный огонь.

Первая попытка штурма провалилась.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675900>